

Оглавление

Выражение признательности	5
Пролог	7
Глава первая	
ФОРМУЛИРОВКА	17
Глава вторая	
СТАРАЯ ПАРАДИГМА	43
Глава третья	
МОДЕЛЬ	63
Глава четвертая	
ГЛАГОЛ	80
Глава пятая	
СРЕДА	109
Глава шестая	
ВЫБОР	125
Глава седьмая	
НАГРАДА	142
Эпилог	155
Об авторе	158

Выражение признательности

Прежде всего должен сказать, что эта работа стала возможной только благодаря помощи многих людей.

Сердечное спасибо:

- Филу Хоффману, моему первому наставнику в сфере бизнеса, который объяснил, что должность начальника вовсе не мешает человеку оставаться джентльменом;
- Кевину Алдеру, Эду Даннеру, Рассу Эбейду, Грегу Гудману, Майку Хипшеру, Майку Пэнтеру и Джорджу Треглоун, — моим партнерам по бизнесу и клиентам, за то, что на протяжении многих лет преподают мне бесценные жизненные уроки;
- Тони Камполо и Моргану Скотту Пеку, авторам выдающихся книг, умеющим блестяще формулировать величайшие истины;
- Дебре Венцке и Стиву Мартину, сотрудникам издательства «Prima», за мастерство и помощь в процессе редактирования этой книги, а также Поле Муньер Ли за поддержку и за то, что по достоинству оценила важность затронутой здесь темы;
- Симеону, монаху и библиотекарю монастыря святого Мейнрада, штат Индиана, который познакомил меня с уставом монашеской жизни;
- Эрику Бейкону, Филлис и Джеку Хантер (моим родителям), Карен и Марку Джолли, Пэм и Микки Кригер, Элизабет Морин, Карен и Биллу Рашки, Колин и Крейгу Рамквист, Джону Райли, Пэтти и Скотту Симонсон и особенно Терезе и Джону Велла, моим редакторам и вдохно-

вителям, чьи идеи и энтузиазм оказали мне неоценимую помощь;

- моей драгоценной маленькой дочурке Рейчел (уже вступившей в пору «ужасных двухлеток»), которая стала моим неописуемым благословением (в буквальном смысле слова);
- и наконец, моей спутнице жизни Денизе за любовь и верность. Я люблю тебя, дорогая.

Пролог

*Идеи, которые я защищаю, принадлежат не мне.
Я заимствовал их у Сократа. Я стянул их у Честерфилда.
Я взял их у Иисуса. И объединил в книгу. Если вам не
нравятся установленные ими законы, по каким же
правилам вы тогда хотите играть?*

Дейл Карнеги

Решение я принял сам. Кроме меня, винить в этом было некого.

Оглядываясь теперь на все, что произошло, я с трудом верю, что я — загруженный делами генеральный директор крупного промышленного предприятия — пустил работу завода на самотек, чтобы провести неделю в монастыре на севере штата Мичиган. Нет, я не оговорился. Это был самый настоящий монастырь — с монахами, с пятью богослужениями в день, с пением псалмов, литургиями, причастием и двухместной кельей площадью в восемь квадратных метров.

Если б вы только знали, как отчаянно мне этого не хотелось. Тем не менее, я решил ехать.

Имя Симеон преследовало меня с самого рождения.

Еще во младенчестве меня крестили в местной лютеранской церкви. В свидетельстве о крещении записано, что для обряда был выбран стих из второй главы Евангелия от Луки, где речь идет о каком-то Симеоне. По словам Луки, Симеон был «муж праведный и благочестивый... и Дух Святой был на нем». Ему было предсказано стать свидетелем прихода Мессии, мистического события, значимости которого я так и не смог уразуметь до конца. Это было моим первым, но далеко не последним столкновением с Симеоном.

Обряд конфирмации я проходил в лютеранской церкви, когда заканчивал восьмой класс. Пастор выбирал для каждого конфирманта стих из Библии, и когда очередь дошла до меня, то он зачитал вслух те же самые слова Луки о характере Симеона. Помнится, что в тот момент я посчитал это довольно забавным совпадением.

Вскоре после этого мне начал и на протяжении последующих двадцати пяти лет регулярно продолжал сниться один и тот же кошмар — будто я заблудился в ночной тьме и бегу через какое-то кладбище, спасаясь от смертельной опасности. Я не вижу того существа, которое гонится за мной, но *знаю*, что оно воплощает собой зло и желает сотворить со мной что-то ужасное. Внезапно прямо передо мной из-за огромного бетонного креста появляется фигура в черном балахоне с капюшоном. Когда я врезаюсь в нее, она оказывается дряхлым стариком, который хватается за плечи, пристально смотрит мне в глаза и кричит: «Найди Симеона! Найди Симеона и выслушай его!» На этом месте я всегда просыпался в холодном поту.

Вдобавок ко всему, в день моего венчания пастор упомянул библейского Симеона в своем коротком наставлении. Это поразило меня до такой степени, что я перепутал слова брачного обета и чуть не сгорел со стыда.

Я никогда не был уверен в том, что многочисленные «совпадения с Симеонами» имели какое-то значение. Однако моя жена Рейчел не сомневалась, что все это неспроста.

К концу 1990-х годов моя жизнь складывалась довольно благополучно, и если судить по внешним признакам, то вполне можно было сказать, что я крепко ухватил за хвост птицу удачи.

Я работал генеральным директором одного из крупнейших в мире стекольных заводов со штатом в пять сотен работников и годовым объемом сбыта в сто с лишним миллионов долларов. На момент моего назначения я был самым молодым генеральным директором за всю историю компании, и по сей день горжусь этим достижением. Благодаря высокой степени децентрализации компании наниматель предоставил мне большую самостоятельность, которой я с удовольствием пользовался.

У меня было вполне приличное жалованье, куда входили достаточно большие премиальные за выполнение и перевыполнение заводом установленных плановых показателей.

С восемнадцатилетней красавицей и моей будущей женой Рейчел мы познакомились в университете Вальпараисо, на северо-западе штата Индиана, незадолго до того, как я получил диплом бизнес-колледжа, а она — диплом магистра психологии. Нам очень хотелось завести детей, и несколько лет мы отчаянно боролись с бесплодием. Мы перепробовали специальные курсы, уколы, ЭКО, иглокалывание и много чего еще, но все напрасно. Особенно тяжело бесплодие сказывалось на Рейчел, но все же она не теряла надежды забеременеть. Часто просыпаясь по ночам, я слышал, как она тихонько молила Бога даровать ей ребенка.

Затем в результате стечения необычных, но замечательных обстоятельств мы усыновили новорожденного мальчика, которого назвали Джоном (в мою честь) и стали считать нашим «вымоленным» ребенком. Однако два года спустя Рейчел неожиданно забеременела и родила Сару, которая стала нашим вторым «вымоленным» ребенком.

Джон-младший, которому уже исполнилось четырнадцать, только что перешел в девятый класс, а Сара — в седьмой. С того дня как мы усыновили Джона, Рейчел сократила свою лечебную практику до одного дня в неделю. Нам казалось очень важным, чтобы она могла уделять максимум внимания заботам о доме. С другой стороны, один день врачебной практики в неделю обеспечивал небольшой отдых от «материнских обязанностей» и позволял поддерживать уровень профессиональных навыков. Слава Богу, что наши финансы это позволяли.

Мы владели (разумеется, вместе с банком) симпатичным домом на северо-западном берегу озера Эри, примерно в сорока пяти километрах от Детройта. В удобном сарае за домом стояла тридцатифутовая прогулочная яхта (рядом с дорогим водным мотоциклом фирмы «Sea-Doo»), а в гараже — две новенькие купленные в кредит машины. Каждый год мы минимум два раза ездили всей семьей в отпуск и при этом умудрялись откладывать приличные суммы на обучение детей и собственную старость.

Как я уже говорил, глядя со стороны, можно было подумать, что я крепко держу за хвост птицу удачи.

Однако, как это ни печально, дела не всегда обстоят так, как кажется со стороны. В действительности созданный мною мирок разваливался на части. Месяцем раньше Рейчел сообщила мне, что наш брак ее тяготит и что в нашей жизни давно пора что-то изменить. По ее словам, такая жизнь не удовлетворяла ее «потребности». Я не мог поверить своим ушам! Мне казалось, что я даю ей все, чего только может желать женщина, а тут она заявляет, что я не удовлетворяю ее потребности! Какие, скажите на милость, еще потребности могут у нее быть?

Дела с детьми обстояли тоже далеко не лучшим образом. Джон-младший взял моду распускать в доме язык и три недели назад даже назвал Рейчел сучкой. Я так рассвирепел, что чуть было не отлупил его, но ограничился тем, что на неделю оставил без карманных денег. Джон стал встречать в штыки любые наставления и указания старших и даже додумался вставить себе сережку в левое ухо! Если бы не Рейчел, я бы тут же вышвырнул его на улицу. Мои контакты с Джоном-младшим теперь ограничивались кивками и нечленораздельными звуками.

Отношения с Сарой тоже испортились. Между нами всегда существовала какая-то особенная близость, и я по-прежнему продолжал считать ее маленькой девочкой. Однако теперь она начала все больше отдаляться и порой даже злилась на меня без всякой видимой причины. Рейчел несколько раз советовала мне поговорить с Сарой о моих чувствах, но на это у меня никогда «не хватало времени», или, если быть честным, смелости.

Даже на работе, в единственной сфере, где я с уверенностью мог рассчитывать на успех, дела принимали нежелательный оборот. Проблема заключалась в том, что почасовики вдруг решили организовать профсоюз. Начатая ими кампания до предела накалила страсти, но, к счастью, администрация смогла получить на выборах на пятьдесят голосов больше. У меня отлегло от сердца, но мой босс, взбешенный самим фактом выборов, заявил, что это проблема менеджмента, то есть сфера моей от-

ветственности. Я не совсем понял, что он имел в виду, так как был уверен, что проблема не во мне, а в тех заводских горлопанах, которым всегда хочется урвать что-нибудь на халяву! Масла в огонь подлила менеджер по персоналу, которая посоветовала мне пересмотреть стиль руководства. Я чуть не взорвался! Но она была всего лишь эмоциональной девчонкой, да и что вообще она могла знать об управлении крупным предприятием? Ее идеи были хороши в теории, а меня заботили практические результаты.

Даже в команде детской бейсбольной лиги, которую я шесть лет тренировал на общественных началах, мои дела шли из рук вон плохо. Мы выиграли более чем достаточно игр и заняли вполне приличное место, но некоторые родители пожаловались руководству лиги на то, что их детям недостаточно весело на тренировках. Я знал, что иногда бываю слишком требовательным и строгим, но что с того? А родители двоих детей даже потребовали, чтобы их сыновей перевели в другие команды. Это было сильным ударом по моему самолюбию.

Но это еще не все. Я всегда считал себя добродушным, веселым и общительным парнем, ничем особо не озабоченным, но теперь стал ловить себя на том, что практически все вызывает у меня раздражение. Несмотря на высокое положение, у меня в душе поселились сумятица и сомнения. Жизнь превратилась в бессмысленный набор движений. Я стал угрюмым и замкнутым. Самые ничтожные проблемы и неудобства стали вызывать у меня чересчур резкую реакцию. Собственно говоря, меня раздражали все вокруг, и даже я сам.

Конечно, я был слишком гордым, чтобы кому-нибудь об этом рассказать, поэтому старался вести себя так, чтобы никто ничего не заметил. Но я мог обмануть кого угодно, только не Рейчел!

Рейчел была не в силах больше наблюдать за моими мучениями, поэтому принялась убеждать обсудить возникшие проблемы с пастором. В момент слабости я согласился — да и то лишь для того, чтобы она от меня отстала. Тут нужно

признаться, что я никогда не отличался особой набожностью. Я всегда считал, что церковь должна заниматься своими делами и не слишком вмешиваться в личную жизнь людей.

Пастор посоветовал мне провести несколько дней в уединении и попробовать разобраться в сложившейся ситуации. Он порекомендовал мне пожить какое-то время в ретрите* при маленьком малоизвестном христианском монастыре Хуана де ла Круза**, расположенном на берегу озера Мичиган, недалеко от городка Лиланд в северо-западной части Нижнего полуострова. Пастор рассказал, что в монастыре обитают примерно три-четыре десятка монахов ордена святого Бенедикта, разработавшего в VI веке устав монашеского общежития. В наши дни, так же как в течение предыдущих четырнадцати веков, монахи ведут строго регламентированную жизнь, основанную на соблюдении трех главных принципов — молитвы, физического труда и молчания.

В целом идея показалась мне достаточно нелепой — чем-то таким, на что я никогда бы не согласился, но перед моим уходом пастор упомянул об одном монахе, который в свое время входил в список пятиста ведущих менеджеров журнала «Fortune». В миру этого человека звали Леонард Хоффман. Это привлекло мое внимание. Меня давно интересовало, куда мог подеваться легендарный Лен Хоффман.

Когда я вернулся домой и рассказал Рейчел, что посоветовал мне пастор, она просияла.

— Это именно то, что я сама собиралась тебе предложить, Джон, — сказала она. — Как раз на прошлой неделе в шоу Опри*** рассказывали о бизнесменах и бизнес-леди, которые отправляются в такие духовные ретриты, чтобы разобраться в своих суматошных жизнях. Тебе, должно быть, самой судьбой предназначено отправиться туда.

* Ретрит — место для уединенных религиозных размышлений и медитации в течение длительного времени. — *Прим. перев.*

** Хуан де ла Круз — испанский мистик и поэт, канонизирован в 1726 году. — *Прим. перев.*

*** Опра Уинфри — знаменитая актриса и ведущая одной из самых популярных телепрограмм в США. — *Прим. перев.*

Рейчел часто делала подобные выводы, чем приводила меня в полное недоумение. «Предназначено» отправиться? Что бы это, скажите на милость, могло значить?

Короче говоря, я нехотя согласился отправиться к святому Хуану в первую неделю октября — главным образом из страха, что Рейчел меня бросит, если я не сделаю хотя бы что-нибудь. Почти все шесть часов пути до монастыря, пока Рейчел вела машину, я молчал. Своим надутым видом я хотел показать, что меня совершенно не радует перспектива провести целую неделю в каком-то унылом монастыре и что я решился на эти страдания и такую огромную жертву только ради нее. Недовольная мина была оружием, которое исправно служило мне с самого детства.

До обители Хуана де ла Круза мы добрались уже в сумерках. Свернув на двухполосную дорогу, мы проехали примерно полкилометра сначала в гору, а затем вниз, к озеру, и припарковались на маленькой песчаной стоянке рядом со старинным деревянным зданием, украшенным табличкой «Регистрация», прикрепленной к одной из массивных белых колонн парадного крыльца.

По всей плоской вершине живописного известнякового утеса, возвышавшегося метров на сто над озером Мичиган, были разбросаны домики размером поменьше. Пейзаж показался мне удивительно красивым, но я не считал нужным поделиться этим впечатлением с Рейчел. В конце концов, мне следовало играть роль страдальца.

— Присматривай за детьми и домом, дорогая, — сказал я как можно суше, вытаскивая из багажника сумку, — а в среду вечером я позвоню. Кто знает, может, после этой недели я стану тем идеальным парнем, в которого ты хочешь меня превратить, а потом плюну на все и постригусь в монахи!

— Очень смешно, Джон, — отпарировала она, обняв меня и чмокнув в щеку. Затем она села в машину и скрылась в облаке пыли.

Я перекинул сумку через плечо и направился к зданию регистрации. Внутри я обнаружил скромно обставленную и безуко-

ризненно чистую конторку портье, занятую мужчиной средних лет, который разговаривал по телефону. Он был облачен в черную рясу, подпоясанную куском черной веревки.

Закончив разговор, он повернулся ко мне и приветствовал теплым рукопожатием.

— Я отец Питер. Помогаю вести хозяйство в пансионе. А ты, сын мой, должно быть, Джон Дэйли из Детройта.

— Совершенно верно, Питер. Но как ты узнал, кто я такой? — ответил я, не собираясь величать «отцом» первого встречного.

— Просто догадался, вспомнив о заявке, которую прислал нам твой пастор, — объяснил он с добродушной улыбкой.

— А кто тут самый главный? — поинтересовался сидящий во мне менеджер.

— Последние двадцать два года обязанности аббата выполняет у нас брат Джеймс.

— А что это за должность — аббат?

— Аббат — наш выборный руководитель, которому принадлежит решающий голос во всех вопросах, касающихся жизни нашей маленькой общины. Возможно, тебе представится возможность с ним познакомиться.

— Мне, Питер, хотелось бы получить на эту неделю одноместный номер, если ты, конечно, не возражаешь. Я привез с собой кое-какую работу, и немного уединения мне не помешает.

— К сожалению, Джон, у нас наверху всего три номера для гостей. На этой неделе у нас будут жить трое мужчин и трое женщин, так что все женщины поместятся в первом, самом большом номере. Второй номер забронировал для себя наш гость из армии, а твоим соседом по третьему номеру будет Ли Бер — баптистский пастор из Пьювоки, штат Висконсин. Ли приехал несколько часов назад и уже устроился. Еще какие-нибудь вопросы будут?

— А какие развлечения у вас запланированы на эту неделю? — полюбопытствовал я с изрядной долей сарказма.

— Помимо пяти ежедневных богослужений в часовне, вас ждут семь дней аудиторных занятий, начиная с завтрашнего

утра до утра субботы. Занятия будут проходить в этом здании с девяти до одиннадцати утра и с двух до четырех дня. В свободное время можно бродить по окрестностям, читать, заниматься самостоятельно, общаться с нашими духовными наставниками, отдыхать — в общем, делать все, что нравится. Единственное место, куда вход воспрещен, — это помещение, где трапезничают и спят монахи. Ну как, Джон, есть еще какие-нибудь вопросы, на которые я могу ответить?

— Интересно, почему одних монахов ты называешь «братьями», а других — «отцами»?

— «Отцами» называют посвященных в сан священников, а «братьями» — мирян, людей самых разных профессий. Все мы дали обет работать и жить вместе. Каждый из тридцати трех братьев и отцов нашей общины обладает одинаковым статусом. Имена нам дает аббат во время принятия обета. Я попал сюда прямо из сиротского приюта сорок лет назад и после обучения и принятия обета был наречен Питером.

Пришло время задать вопрос, который интересовал меня больше всего.

— Я хотел бы встретиться с Леном Хоффманом и кое-что с ним обсудить. Насколько мне известно, он приехал сюда несколько лет назад, чтобы присоединиться к вашей общине.

— Лен Хоффман, Лен Хоффман, — повторил несколько раз Питер, глядя в потолок, чтобы легче было сосредоточиться. — Да, похоже, я знаю, о ком ты спрашиваешь. У него теперь тоже другое имя. Уверен, что он с удовольствием поговорит с тобой. Я оставлю записку с твоей просьбой в почтовом ящике. Кстати, всю эту неделю он будет вести у вас курс лидерства. Не сомневаюсь, что ты многое почерпнешь из этих занятий. А теперь доброй ночи, Джон, покойного сна, и надеюсь увидеть тебя завтра в полшестого утра на богослужении в часовне.

— Да, и вот еще что, Джон, — продолжил он, когда я уже начал подниматься по лестнице. — Десять лет назад аббат нареч Лена Хоффмана братом Симеоном.

Слегка ошарашенный, я остановился на верхней площадке лестницы и выглянул в открытое окно. Снаружи было уже почти совсем темно, и я слышал, как далеко внизу разбивались о берег волны озера Мичиган. Стремительные порывы ветра обрушивались с запада на вековые деревья, и те в ответ издавали любимые мною с детства звуки шуршания сухой осенней листвы. Далеко на горизонте над темными водами огромного озера виднелись всполохи молний, и были слышны раскаты грома.

Меня охватило странное чувство — не то чтобы тревожное или пугающее, просто ощущение чего-то уже виденного. «Брат Симеон... — подумал я. — Не слишком ли это странно?»

Я закрыл окно и медленно двинулся по коридору отыскивать свою комнату. Нашел дверь под номером 3 и тихо открыл ее.

Приглушенный оранжевый свет ночника открыл моему взору маленький уютный номер с двумя односпальными кроватями, двумя столами и небольшой кушеткой. За полуоткрытой дверью виднелась крохотная ванная комнатка. Баптистский пастор уже спал и слегка похрапывал, свернувшись калачиком на кровати у окна.

Внезапно мной овладела невероятная усталость. Я быстро сбросил одежду, влез в спортивные брюки, поставил будильник на пять часов и лег в постель. Я был уверен, что не смогу встать так рано, но подумал, что заведенный будильник послужит доказательством добросовестности моих намерений.

Я попытался уснуть, но в голове неотступно звучал один и тот же голос: «Найди Симеона и выслушай его!» А что, если это брат Симеон? Неужели я его нашел? Может ли это быть простым совпадением? Как вообще я позволил втянуть себя во все это? «Тебе, должно быть, самой судьбой предназначено отправиться туда». Надо же, пять богослужений в день, когда я едва мог выдержать больше одного в месяц! Чем я буду заниматься всю эту неделю? А как же мой сон — на кого будет похож этот Симеон? Что он собирается мне сказать? Почему я здесь? «Найди Симеона и выслушай его!»

И тут меня разбудил будильник.